

Ольга
Пойманова

мы в

порядке?

Корпорация "Почта"

16+

Ольга Пойманова

Ты в порядке?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66846398

SelfPub; 2021

Аннотация

Можно ли влюбиться в манекен? Ещё как можно, поняла я, увидев, как мой жених целует пластиковую маску. Чем больше времени он проводил с портретом маленькой утопленницы, которую когда-то выловили из Сены, но так и не опознали, тем сильнее становились чувства. Всё, что оставалось мне – следить, как он сходит с ума. Или не он? И вдруг он не сходит, а сводит с ума тех, кто его окружает?

Когда это бьётся с ангелом, а бездарность с иллюзиями, главное не попасть в эпицентр событий.

Да и так ли проста история Энн, как её описывают люди? Кто она такая, и почему оказалась в реке?

Корпорация "Почта" поможет мне всё понять...

Ольга Пойманова

Ты в порядке?

– Не то, не то, всё не то! – ком глины грязной лепешкой растекся по выбеленным стенам. Артур, не обращая внимания на то, что ладони его перемазаны, схватился за голову и принялся дергать себя за волосы. Я молча сидела в уголке и наблюдала. Есть минуты, когда к нему лучше не подходить.

Творческие люди – хорошие ребята. Но их так часто заносит... Наверное, чтобы до конца понимать, что же с ними творится, надо иметь такую же натуру. Мне оставалось только вздыхать. В отличие от жениха, я ничего не умела. Максимум могла красиво расставить посуду на столе к ужину. На этом всё художественное во мне заканчивалось.

Артур говорил, что это к лучшему. Что в семье должен быть только один гений. Ну или тот, кто себя таковым считает. Два таланта на одной жилплощади – это перебор. К тому же, он, как художник, хочет, чтобы им восхищались. Поэтому я, именно я, такая бездарная, но внимательная и отзывчивая, нужна ему.

– Главное, что ты всё понимаешь, – в очередной раз повторил он, разочаровываясь в какой-нибудь псевдогениальной своей работе.

А я не понимала ничего.

Сначала всё действительно складывалось так, как он хо-

тел. Я была в восторге от того, что такой неординарный молодой человек почтил меня своим вниманием. Он часами мог рассказывать о древних мастерах – художниках и скульпторах, о том, как же ему нравится создавать красоту, как хочется остаться в веках. Создать нечто. Произнося это «Нечто», он всегда томно прикрывал глаза, поднимал вверх нос, словно приплюхиваясь, и сжимал кулаки. Это было, как мне казалось, чистым вдохновением. Он в такие секунды становился неподражаем, и все девушки в округе падали ниц пред невероятным, поистине магическим ангелом искусства, которым он казался в тот момент.

А я просто вздыхала и гордилась.

Огромной его любовью была скульптура. Множество материалов в нашем развитом двадцать втором столетии ему доступно, но Артур всегда выбирал тот, что достать почти невозможно без должных связей – натуральную глину. Непослушная, но покорная, так он о ней говорил.

– Понимаешь, в ней есть что-то такое особенное... Она словно живая, – объяснял он как-то. Я потрогала. Ну, как будто грязь, ничего такого... Артур меж тем продолжал: – Когда я беру ее в руки, мне кажется, что с моих пальцев стекает история.

Он не умел объясняться просто, когда дело касалось искусства. Сплошные метафоры. Сперва это гипнотизировало. После – бесило.

Больше всего Артуру нравилось создавать портреты. Сте-

ка порхала над бесформенной массой, рождая новые головы. Казалось, что в своём доме Артур никогда не бывает один. С каждой горизонтальной поверхности на мир глядели слепые глиняные глаза. Старики, дети, длинноносые, лопухие, в общем, сложные и особенные лица быстро ему надоели.

– Дети милы, старики вдумчивы, чудики чудны, мне тут нечего делать, – говорил Артур. Ему и в голову не приходило, что этими словами можно кого-то задеть. Меня, например.

Долго-долго я потом рассматривала себя в зеркало. Природа распорядилась так, что уши у меня стоят чуть в стороны, а подбородок разделен пополам ямочкой. Кому-то это казалось милым. Но в градации моего молодого человека я попадала в категорию чудиков... Просто потому, что была неидеальна. А он, такой добрый и всепрощающий, принимал меня как есть. И мне полагалось быть за это благодарной.

Хуже всего то, что поначалу так и было...

Мне же, очертя голову влюблённой, он казался великолепным. Лицо его так быстро менялось, так живо отражало каждую мысль, каждую эмоцию. Весь он был порыв и чувство.

А потом я прозрела. Чтобы все понять, ушло два года.

Конечно, он не был гением. Чтобы оценить, насколько посредственны его работы, мне пришлось перечитать половину библиотеки по искусству, которую мой жених собрал в одной из комнат своей квартиры. Глядя в чьи-то очередные пустые глаза, я гадала: неужели он сам не видит? Как можно срав-

нивать себя с великими ваятелями, говорить, что ты продолжатель, скажем, Бенвенуто Челлини или Франческо Квирино, если все работы твои одинаково бессмысленны, как и ты сам?

И то, что раньше казалось мне оживлением, огнём души, отраженным на лице, на самом деле – просто неудовлетворенное тщеславие, капризы, удивительная вредность.

Артур, как все вздорные бездарности, видел себя в совершенно ином окружении. Те, что были рядом, казались ему ниже его достоинства. Даже я. Поэтому он всегда с азартом лепил лица красоток и красавцев с рекламных плакатов. Раз за разом одинаково прекрасные куклы застывали, удерживая на глиняном лице горделиво отрешенное выражение. Заканчивая очередной портрет, Артур долго любовался им, фотографировался рядом. Видимо, так ему казалось, что эти парни и девушки как бы принимают его в свою стаю и гордятся оказанной им Мастером честью быть увековеченными в глине.

Конечно, никто этим не гордился. Они даже не знали о том, что где-то в мастерской одержимый фанатик издевается над их образами.

Однажды я попросила Артура сделать и мой портрет тоже. Это было еще в те времена, когда я им восхищалась. Бросив на меня презрительный взгляд, он проронил сквозь зубы: – Ты обыкновенная, чего с тобой возиться? «Что ж тогда ты живешь со мной, а? Вот уже год, как во-

зишься со мной во всех смыслах? Ничего, нормально тебе это?», – кричал мой разум. Сердце беспокойно билось в груди. Я все еще его любила. Надо было бы развернуться, уйти прямо тогда, покинуть этот приют фальшивой красоты. Но я проглотила обиду, заставила разум заткнуться и пошла готовить ужин. Гений же остался рождать новый «шедевр».

Постепенно всё вставало на свои места. Этот роман давно стал мне в тягость. Но я почему-то медлила и всё никак не уходила.

Вот и сейчас, задумчиво прокручивая на пальце обручальное кольцо, которое он мне снисходительно подарил недавно, я сидела на своем любимом стуле и думала, как можно было быть настолько слепой.

Однако же сегодняшний спектакль шёл по какому-то новому сценарию.

Всё началось с того, что Артур приволок домой старый манекен. Не такой, на котором обычно представлена одежда в магазинах. Это был менее футуристичным, удивительно анатомически правильным. Пластиковая девушка как будто слегка улыбалась.

Артур посадил манекен в кресло, долго смотрел на него. Рванул в библиотеку. Вскоре он, обложившись книгами, закрылся в комнате. Я не тревожила. Лишь к вечеру заглянула спросить, пойдёт ли он ужинать.

Манекен лежал на полу.

– Энн, ты в порядке? – спросил Артур. А потом накло-

нился и поцеловал искусственную девушку.

Сказать, что я обалдела – ничего не сказать.

Потом-то, конечно, мне была в истерике прочитана лекция на тему Незнакомки из Сены. Артур удивлялся, как я могла этого не знать. Оно особенно это выделял: именно я, его девушка, спутница творца, прочитавшая столько книг по искусству, могла не запомнить Энн. Он так распалился, так кричал на меня в тот вечер, что я расплакалась и убежала.

Поливая слезам и без того соленый ужин, открыла книжку, которую он мне бросил, и принялась читать.

Очень быстро мне стало жаль эту несчастную, которую в XIX веке выловили из реки. Утопленница была совсем дитя по меркам нашего времени, лет 16 всего. И ведь никто не хватился, не искал, не опознал... Как она попала в воду? Может, бросилась вниз от несчастной любви? Может, кто-то ее толкнул? Хорошо хоть не бил. Ни одного синяка, никаких травм. «Сама, добровольно», – решило общество.

Говорят, что красота утопленницы подкупила патологоанатома, он снял слепок с ее лица. А потом его растиражировали на многочисленные маски.

А еще говорят, что все это сказки, что это была натурщица одного художника, и вовсе она не топилась, а умерла от болезни. Но если это так, что ж он не представил красотку миру?

Что только ни творили с маской незнакомки творческие люди... Что только она ни творила с ними... Раз за разом ее

облик использовали в разных работах. О ней писали стихи и новеллы, фотографировали, придавали ее черты небожителям на картинах... Но мне больше понравился практичный вариант. Именно это лицо получил манекен, на котором тренировались делать искусственное дыхание рот в рот спасатели. Именно там девушку и прозвали Энн. Кстати, создатель этого манекена когда-то именно так спас своего сына: сделал ему искусственное дыхание.

Получается, сама утонула, но стольких спасла. Настоящий ангел. А еще ее прозвали самой целуемой девушкой в мире. Ну конечно, сколько людей спрашивало её: «Энн, ты в порядке?», – а потом прикасалось к губам.

Но они-то это делали ради блага человечества. Чего ради мой благоверный целовался с пластмассой, я понять так и не смогла.

Воистину, творческие неадекватные люди – наказание для тех, кто рядом.

Вскоре Артур раздобыл себе ещё одну «Энн», на этот раз настенную маску. Потом поставил на стол статуэтку. Энн была везде. Маленький несчастный ангел...

– Она прекрасна, – шепотом говорил Артур. – Посмотри, только посмотри, какие аккуратные у нее щечки. И носик, такой маленький, как у феи. Это самое совершенное лицо, что я видел...

Глиняные современные красотки тоскливо взирали со своих полок на маску очаровательной девушки из далёкого

пошлого.

Она меня не раздражала, нет. Утопленница была не причём. Бесил Артур. Его интерес к девушке все больше наминал одержимость. Он говорил с ней, целовал ее, гладил по щеке. Мой жених влюбился, как бы странно это ни звучало. Все своё свободное время он проводил с незнакомкой.

И вот наконец Пигмалион приготовил глину и заперся в мастерской. Творил свою Галатею.

Вдохновительница оказалась капризна. День за днем лицо Энн издевательски не получалось. То слишком узкий лоб, то не такой нос, то лёгкая улыбка превращалась в идиотскую ухмылку. Артур сминал свое творение, картинно рыдал, пил, начинал заново. Никак не понимал, что не так.

А я знала. Энн была самым очаровательным чудиком из всех. Красивое лицо ее было совершенно не в моде. Не было в ней ни остроты и резкости черт, ни хищности, ни драмы. Она была настоящей. Какая родилась, такой и жила. Те, кого Артур привык воплощать в глине, были совершенно иными. Они соответствовали спросу на красоту. Поэтому носы их имели одинаково острые прямые кончики, уголки губ идентично стремились вверх, а глаза были раскосыми.

И все эти черты Артур зачем-то пытался так или иначе воплотить в Энн. Называя ее совершенством, он зачем-то переделывал идеал под себя...

Однажды в мастерской раздался грохот. Как есть, прямо в перемазанном мукой фартуке, я рванула с кухни туда. Артур,

задыхаясь, стоял над осколками каких-то бюстов. Хрипел он так страшно, что, казалось, лёгкие его поражены и вот-вот откажут. Сипло, злобно прошипел он, глядя на портрет Энн на стене.

– Ах ты дрянь! Думаешь, я не знаю про тебя ничего, да? Маленькая шлюха! Правильно они тебя утопили! Кому ты тогда отказала? Сколько их у тебя было, говори! Ненавижу! – он схватил мастерок и запустил в изображение девушки. Портрет порвался, брызги глины изуродовали черты лица. – Думаешь, я про таких как ты не читал? Спала со всеми подряд! Так тебе и надо! Не видишь, как я стараюсь ради тебя? Сколько глины уже извел, а все напрасно. Ты и с ними так кривлялась, да? Или не кривлялась? Со всеми, да? С каждым? Я-то тебе чем не угодил? Почему мне нельзя?

Лицо Артура пошло красными пятнами, глаза налились кровью. Я никогда не видела его таким.

– Ты меня доканала! – заорал он. Сорвав со стены керамическую маску Энн, которую где-то достал пару недель назад, Артур с размаху швырнул ее в стену. Фонтаном брызнули во все стороны осколки... Так художник заплатил Энн за то, что она никак не удавалась ему, но прекрасно получилась у другого... Обозвал шлюхой. Придумал грязное позорное прошлое. И уничтожил.

Я ухмыльнулась. Да нет, милый, это не она. Это ты доканал сам себя.

У ног моих лежал осколок. Я подняла его. Прекрасные гу-

бы Энн покрылись трещинами, глазурь не выдержала удара. Собственно, и рот-то был не целиком, только половина. Еще совсем недавно, готовясь в очередной раз работать над портретом, Артур на моих глазах целовал и целовал эти, именно эти губы, как бы вымаливая разрешение сделать на этот раз всё как надо. Больше не поцелует.

Осколок скользнул в карман. Оставив гения наедине с его безумием, я вышла из квартиры и закрыла за собой дверь. Все, с меня хватит.

Вечер был тёплым, замечательно пахло акацией и клевером. В небе распускались первые закатные розы. Ветер ласково касался моего лица, гладил по щекам. Люди приветливо улыбались.

– Вот такая ты значит, свобода... – прошептала я. Нащупала осколок в кармане. Эх, Энн... Гладил ли тебя кто-то по щеке перед смертью? От кого ты сбежала? Зачем ты прыгнула в воду, ангелочек...

Ноги сами несли меня по улице. Вдалеке замаячили знакомые оранжевые буквы.

«Корпорация «Почта». Стань тем, кем ты мечтаешь!» – гласила вывеска.

Я никогда не прибегала к услугам «Почты», хотя было заманчиво. Платишь вперед, выбираешь любую историческую личность, ложишься в специальную коробку... Что-то колдует служащий, и вот ты уже вовсе не ты. Твое сознание переселяется в чужое тело. Ровно сутки ты живешь чужой

жизнью, принимая все плюсы и минусы. Настоящий хозяин в этот момент мирно спит внутри вашей общей головы. На самом деле, никто не знает, что там происходит с этими людьми, в которых мы вселяемся. Рассказать они не могут, а «посылки» чувствуют только за себя. Надеюсь, что вреда мы не наносим... Но это не доказано.

Я еще раз взглянула на осколок, а затем решительно переступила порог Корпорации.

Кое-какие сбережения у меня есть. Конечно, можно их потратить на что-то более практичное. Моё любопытство слишком дорого мне обойдется...

– Не любопытство, а правда, – шепотом одернула я себя. Пальцы вновь нащупали осколок. Мне было очень жалко Энн, такую красивую, юную и загадочную. Вспомнила всё, что читала о ней в книгах. Да, конечно, почти все уверены, что она кинулась в Сену сама. И скорее всего не от хорошей жизни. Может, бежала от излишне назойливых мужчин, уверенных, что за деньги можно купить вообще всё, а уж красивую девочку тем более?... Может, они и не собирались ей платить? Может, она хотела, чтобы ей заплатили? Бедняга Энн, прости, что лезу в твою жизнь, но раз уж ты залезла в мою...

Светлый холл, приветливые люди. Работница «Почты» вбивает данные, хмурится. Спрашивает, не хочу ли я стать кем-то еще, более очевидным? Найти Энн сложно. Ни имени, ни даты рождения, даже день смерти неизвестен... Толь-

ко легенда. Долго-долго всем отделом они колдуют над моим заказом. Наконец приглашают меня в почтовый ящик, в котором в ближайшее время будет пребывать моё настоящее тело... Я прошу их отправить меня туда, где заканчивается история красавицы. Мне важно знать, почему она утопилась...

Закрываю глаза. Гул проникает в мою голову, мысли путаются...

– Клэр, пора просыпаться! – красивый грудной голос зовет. Никак не соображу только, кого?.. Ах, да, кажется, меня! Почему Клэр?... Конечно, вспоминает моё почему-то не до конца уснувшее настоящее «я», никто же не знал имени девушки! Энн – всего лишь прозвище! Оказывается, Клэр...

Открываю глаза. Ветер треплет тонкие занавески на окне. Тонкий аромат ромашек и садовых роз витает в воздухе. Птицы поют так звонко, так радостно! Вскрываю, от души приветствуя новый день.

Полная, дружелюбная женщина улыбается и прижимает меня к себе. Целует в макушку, а потом несколько раз шутовливо стучит пальцем по кончику носа. Я хохочу, мне так здорово от этого!

– Привет, птенчик! – говорит она мне. И вдруг мрачнеет.

– Мамочка, что с Вами, – спрашиваю я. Такая резкая перемена меня пугает. Мадам Нина Буайе, моя родительница, обычно такая веселая и солнечная, стала вдруг мрачнее тучи.

– Сегодня едем в Париж. Я приготовила тебе платье. Умы-

вайся, и давай собираться...

Лучшее, единственное нарядное моё платье, стекало воланами со спинки стула. Мне нравится в него наряжаться, но сегодня какое-то беспокойство не покидает меня. В висках закололо, верный признак, что скоро разболится голова.

Наша повозка бодро бежала по дороге, а я всё распрашивала маму, куда же мы едем. Она молчала, только вздыхала тяжело и горько.

Наконец остановились. Мама толкнула нарядную калитку, и мы вошли в сад красивого большого дома. Это был богатый район. Я знала, что где-то в столице живут наши родственники, очень дальние, с ними нет никаких отношений. Но что они живут вот так...

Вошли в дом. Я обомлела. Золотая лепнина на потолке, богатая, обитая атласом мебель, фарфоровая ваза с цветами, тяжелые портьеры... Всё это ослепляло мои привыкшие к простым сельским пейзажам и вещам глаза. Слуга предложил нам сесть. Я аккуратно опустилась на самый краешек резного стула.

Мужчина, показавшийся из другой двери в комнату, мне не понравился. Лицо его было надменным, злобным. Глаза словно лёд, и смотрели они так холодно, оценивающе... Сколько брезгливости было в его взгляде...

Мама подтолкнула меня в спину. Я поспешно вскочила и сделала реверанс. Замерла.

– Здравствуй, Нина, – скрипучим голосом поздоровался

он.

– Здравствуй, Пьер... – пролепетала мама. Я не смела поднять глаза, но чувствовала, как она боится этого человека.

Он меж тем рассматривал нас как статуэтки на полке. Подошел ко мне. Я сжалась.

– Стало быть, это Клэр... – ледяные пальцы взяли меня за подбородок и редко дернули вверх. Я подняла лицо. Боже, какие злые глаза! – Недурно. Она хорошо воспитана?

– Да, Пьер... Я обучила ее всему, что знаю...

– Этого мало! – проскрипел он. – Ладно, исправим. Ты знаешь, кто я, дитя?

– Нет, месье... – пролепетала я.

– Клэр, это твой отец... – прошептала мама.

Тут уж я не сдержалась. Ахнула, прижав руки к груди, отшатнулась... Не может быть! Мой отец – месье Буайе, Андрэ Буайе, добрый, уютный Андрэ Буайе. У него большие, шершавые, натруженные руки, которыми он всегда крепко обнимает. Еще он пахнет лошадьми, сеном и землей. Когда смеется, вокруг глаз появляется паутинка морщинок. Это самый надежный, приветливый, заботливый и приятный в общении человек, которого я знаю. Я всю жизнь прожила с ним и матушкой...

– Садись и слушай, – прикрикнул на меня неприятный незнакомец, которого зачем-то называли моим отцом. – Да что ты вся позеленела... Эй, воды сюда!

Сжимая дрожащей рукой стакан, я слушала историю сво-

ей жизни, рассказанную заново.

Моя мать, родная мать, умерла в родах. Отец возненавидел меня за это. Как я могла ее убить? Кроха, новорожденная... Но именно меня он винил во всем. Может, именно тогда он и ожесточился? Не знаю, мне ведь никто о нём не рассказывал до этого дня...

На столе в комнате, где я жила у Буайе, лежала скатерть. Тонкая изящная вышивка в виде букетиков роз тянулась по ее краям. Мне нравилось проводить пальцем по этой чудесной вязи... Если бы знать, что это и не скатерть вовсе, а пленка, в которую меня завернули, отняв от погибшей матери. Повитуха протянула отцу, но тот оттолкнул ее руки и отвернулся. Наверное, я плакала, ведь маленькие дети плачут... Ему было всё равно. Даже больше – противно...

Желая избавиться от «убийцы», этот почтенный человек приказал сделать со мной что-нибудь, что угодно. Утопить, бросить в лесу, застрелить. Ему было всё равно. Упиваясь своим горем, оплакивая погибшую любовь, он не видел перед собой совершенно ничего. Слуги отказались. Они любили свою госпожу, скорбели, но ни один не понял этой жестокости.

Родная сестра тоже не поняла. Схватив меня на руки, Нина Мало, ставшая спустя год Буайе, прокляла брата.

– Раз тебе нужно это чудовище, забирай! – прорычал он в ответ. – Чтобы духу вашего тут не было! Убирайтесь, обе!

Нина увезла меня в маленький загородный дом, принад-

лежащий семье. Это было слишком бедное и удалённое жилище, чтобы хоть кто-то из Мало почтил его своим вниманием. Кроме младшей дочери семейства. Впрочем, она всегда была ни от мира сего, как считалось. Слишком добрая, тихая и романтическая. Нина предпочитала книги балам, не гнушалась работой, иногда добровольно помогала слугам. Старший брат дразнил ее грязнулей и простолюдинкой, а она молчала...

Имея небольшой капитал, Нина вполне удобно устроилась со мной в деревне. А потом вышла замуж за доброго и работающего человека. Терять ей было уже нечего. Как только дверь дома Мало захлопнулась за нами, о существовании девушки на время забыли, а когда вспомнили и решили подыскать жениха, было уже поздно. Кричали, угрожали убить меня, и Андрэ Буайе, этого проходимца и негодяя.... Тогда-то милая тихая Нина впервые и показала зубы, напомнив брату, почему она оказалась в деревне. И тот, хотя действительно мог убить все наше семейство, почему-то решил до поры нас не трогать.

Пока Нина растила меня в деревне, Пьер Мало преумножал капиталы. Говорили, что даже носовой платок, и тот у него соткан из золота. Вскоре он женился на девушке из богатого семейства, тем самым ещё упрочив своё положение. И всё бы ничего, но однажды старый приятель позвал его посетить некий вечер...

Пьер Мало вернулся оттуда разгорячённый, возбуждён-

ный, и на завтра вновь отправился в этот дом.

С той поры почти каждый день в течение года Пьер Мало вдохновлено играл в покер. Пока однажды управляющий делами не сообщил ему, что месье спустил всё своё богатство.

Деловой и практичный мозг Мало предлагал ему разные выходы. Продать драгоценности жены? Ну, разве что, одно-два. Нельзя, чтобы в обществе узнали о его слабости. То же самое с картинами и породистыми лошадьми. Нельзя, нельзя показывать своё поражение...

Не имея, как ему казалось, возможности избавиться от ценностей, он решил продать меня.

Очень удобно, когда где-то в деревне живёт девочка, которую можно выгодно выдать замуж. Тем более, что и жених нашелся. Сынок того самого приятеля, который прирастил моего отца к игре.

– Через месяц свадьба, – сообщил он мне, даже не поглядев на моё лицо. Слезы водопадами хлынули по щекам. Силась что-то сказать в ответ, я всхлипнула и уронила голову в ладони.

– Пьер! – вместо меня в бой бросилась Нина. Маленькая, робевшая перед грозным братом Нина кинулась как волчица оборонять единственного волчонка. – Пьер, не смей! За что ты так? Она же ни в чем не виновата!

– Она? Это отродье ни в чём не виновато? На ней вины достаточно для того, чтобы забить её плетью на заднем дворе!

Я в ужасе подняла враз высохшие глаза. Лицо отца было мертвенно бледным, губы сжались в тонкую незаметную полоску. Заложив руки за спину, он безжалостно смотрел на меня.

– Только тронь! – зарычала Нина. – Чудовище здесь только одно. Ты – чудовище!

– Замолчи! Я сказал, что она выйдет замуж, и точка. Надо искупать свои грехи!

– Грехи? Её грехи? В чём ее вина? Ведь все говорили тебе тогда, что Клодин слаба здоровьем, что возможно всякое... Но ты, ты, ты настоял на этом ребенке! А теперь винишь во всём её! Да еще и продаешь, как корову на базаре! Пьер, опомнись!

– Замолчи, я сказал, замолчи! – Мало в ярости смахнул со стола вазу с цветами. Брызнула вода, со звоном разлетелся фарфор... К моим ногам упал цветок. Я посмотрела на него. Маленькая роза от удара растеряла все свои лепестки...

Не помня себя, я вскочила и бросилась к выходу.

– Клэр, подожди! – донёсся вслед голос мамы...

Я летела, не разбирая дороги. Как ярко, боже мой! Как громко! Руки начали неметь, перед глазами заплясали пятна. Я продолжала бежать. Мир резко побледнел, а потом вспыхнул с новой силой. Виски сдавило болью. Тонкая игла пробралась мне в голову, колола и мучила.

Я остановилась, надеясь отдышаться. Всё плыло, но кое-как разглядела, что стою на набережной Сены. Сдавлив голо-

ву, сиюсь хоть немного уменшить боль, добрела до парапета.

Мигрени мучили меня давно. Мама укладывала меня в комнате, закрывала шторы, открывала окна, чтобы впустить прохладу. Не было средства, чтобы помочь мне в этой беде. День, два, три я могла лежать так, не в силах пошевелиться. Нина буквально силой заставляла меня хотя бы попить, меняла влажные компрессы на голове, надеясь как-то помочь.

Вот и сейчас знакомая боль сковала меня, лишая сил и разума.

—Мой отец, это мой отец, — в ужасе пробормотала я. От воспоминаний стало еще больнее. Сил стоять не было. К счастью, парапет, украшавший берега реки, оказался достаточно высок, чтоб можно было опереться. Постояв так немного, я осмелела и, забыв приличия, присела на краешек ограждения. От воды тянуло прохладой. Невидящим взглядом следила за течением реки. Новая волна боли накатила, лишив меня возможности повелевать своим телом. Голова закружилась. Я зашаталась. Легким облаком взметнулось любимое моё платье... Боже, как хорошо, как прохладно... Я закрываю глаза...

Резкий звук вывел меня из состояния ступора. Резко проснувшись, я замахала руками, нащупала стенки ящика. Долго не могла понять, где нахожусь. Что-то щёлкнуло, и в темницу мою проник свет. Крышка была снята. Сотрудник Почты протянул мне руку.

– Вы в порядке? – спросил он, заглядывая мне в глаза.

– Теперь да, – спокойно ответила я.

Через три дня отдала Артуру ключи, забрала последние вещи и закончила эту историю.

– Ты так ничего и не поняла, – надрывался он мне вслед. – Ты никогда и ничего не понимала! Ты мелкая, совершенно мелкая душа! Что ты знаешь об искусстве, о его двойном дне?

Ты прав, Артур. Совершенно ничего. О Двойном дне я не знаю ничего, не только в искусстве.

Как и ты.